

Об авторе. 78 лет. Живет в г.Лод (Израиль).

ВЕСЕННИЙ ТРИПТИХ

1. Наступление

В мелкой луже под тяжестью шага
ржавый лёд раскололся, как щит.
Луч идёт в штыковую атаку.
Снег, в ручей превращаясь, бежит.

Тают силы зимы, и картаво
у дороги, погрязшей в полях,
разоралась воронья орава:
«Крах! Крах! Крах!»

2. Первое марта

Калина. Ягод с горсточку. Попробуй-ка.
К тому же скоро подспеет облако
с изюминками-звёздами внутри –
то, что печётся на огне зари.

Сегодня звери, птицы, насекомые,
знакомые друг с другом, незнакомые,
в лесу, куда и мы приглашены,
справляют день рождения Весны.

3. Школьное

Майский дождик скоро нас порадует.
Туче сверху видится земля.
Как в тетрадке, светлой автострадою
второпях отчерчены поля.

В пыль вошли дождевики, словно гвоздики.
Жаворонок в небе – как звонок.
Воробьи, накувыркавшись в воздухе,
стайкой в сад спустились на урок.

Взмокла туча, от своей же тяжести
равновесье в небе потеряв.
Пашет трактор. Он резинкой кажется:
на лугу стирает зелень трав.

Всюду кляксы – лужицы весенние.
Провода линуют синеву.
И проходит эхо повторение,
повторяет гласные: «Ау-у!»

ГАЙДН. ПРОЩАЛЬНАЯ СИМФОНИЯ

На сцене перед каждым музыкантом –
свечи меланхолический вихор.
На перекрёстке звуков – дирижёр,
седой старик во фраке элегантно.

Вот, потушив свечу, ушёл гобой,
ушёл, закончив свой напев минорный.
Виолончель, и флейта, и валторна
уходят друг за другом на покой.

Две скрипки, два дрожащих огонька –
всё, что на грустной сцене остаётся.

Так звёзды гаснут в глубине колодца.
Так годы тонут, падая в века.

Меж гайдновскими давними свечами
и теми, что горят передо мной,
о сколько раз, рождённое войной,
бесчинствовало над землёю пламя!

Всё было: и пожарища Москвы,
где не далось французам новоселье,
и перед Зимним у костров – шинели
плечом к плечу с бушлатами братвы.

Всё было: человеческий прах в печи,
костры из книг – и первая ракета
на пьедестале из огня и света,
та, что высокой нотою в ночи.

В твоём аллегро, гайдновский оркестр,
и в мощном нарастании финала
всё это как предвиденье звучало –
тревога, одержимость, боль, протест.

И вдруг – минор, как дождь средь бела дня,
как право погрузить в уединенье.
Солдат! И это право, без сомненья,
ты, как ребёнка, вынес из огня.

ГОД. ЛИРИЧЕСКОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

1

ДАВНО ЛЬ набитый плотно, как подсолнух,
теперь, зимою, стадион безмолвен
и, словно кем-то вылузганный, пуст.
Какой вокруг простор для грусти! Здесь я
единственное семечко сегодня.

ФЕВРАЛЬ – к концу. На стёклах поутру
узором витража синее наледь:
то ль горы в дымке, то ли волны моря.
Видать, на отпускное лето планы
рисует здесь мечтательный мороз.

НЕДОЛГО длился белый бал снежинок,
в котором, отрешившись от забот,

душа моя участие приняла.
Наутро снег растаял, и она,
как Золушка, вернулась к серым будням.

ЛЮБЛЮ – хотя бы взглядом – побродить
в ночном саду искрящегося неба,
роняющего падалицы-звёзды.
Как в мякоти, в объятых атмосферы
спит косточкой вишнёвой шар земной.

2

ПЕРЕД ВХОДОМ в парк весенний ждёт кого-то липка.
Видимо, ещё ни разу в парке не бывала.
У неё цветущий возраст. Вся поёт, как улей.
Хорошо б со стройным вязом постоять в аллее!
В воздухе – медовый запах первой-первой грусти.

НАВЕРНО, готовится праздник,
коль бабочки разных оттенков
весь день облетают лужок
и к майским мордашкам цветов
себя примеряют, как маски.

СНОВА РАДУГА, встав над землёй,
в дали всматривается с надеждой
где-то встретить свою половину,
чтобы с нею сойтись наконец-то
обручальным кольцом любви.

УЙДУ – и обернётся обелиском
пирамидальный тополь, мной взращённый.
И вы поймёте: белый пух по вёснам –
моя неумирающая нежность
к живому миру, что оставил я.

3

ПРИБОЙ растекается мыслью по берегу.
Стремясь её выразить посвежей,
пообразней миру преподнести,
он зримо один за другим выдаёт
свои – белым кружевом – варианты.

В ЗНОЙ ДОЛГИЙ-ДОЛГИЙ ворвалась гроза,
как перемена шумная... Мне выпал

счастливый жребий петь, смеяться, плакать.
Ведь жизнь моя – сама как переменка
в извечной тишине небытия.

ВЕТЕР выдохнул тост, и над скатертью поля
закачались, друг с другом сближаясь, тюльпаны,
как бокалы с торжественно-алым напитком.
Всласть кому-то проокал коронное «го-о-рько»
захмелевший на празднике гром.

ЗАКАТ передо мной арбузным ломтем,
чья облачная пористая мякоть
чиста. Ведь за секунду до того
осыпалась на землю галок стая,
как будто кто-то семечки стряхнул.

4

ВОЛОВЬЕ поголовье валунов.
Чуть в стороне – забытая конюшня,
куда теперь лишь ветер забегает.
В час непогоды с этой ветхой крыши
стекает лошадиной чёлкой дождь.

КАК МАЛЕНЬКИЕ кузницы, сердца
стучат – и в том их высшее искусство,
куют всю жизнь свою подкову счастья.
Подкова в семь цветов объемлет небо.
Земля жива, и выше счастья нет.

ДО УТРА у хирурга светилось окно.
До утра, прожигая холодные тучи,
в небе месяц горел, как бессонный вопрос.
Став бледнее ещё, у больницы стоит
облетевшая за ночь берёза.

ЗА ОКНОМ, словно гадкий утёнок,
шастал серый осенний дождь.
В ночь, как в добрую сказку, уйдя,
он с утра перед нами предстал
белым лебедем снегопада.

[Страница автора в Сети.](#)